

К вопросу об актуальности текстов Н.А. Бердяева

Блюхер Ф.Н., Институт философии РАН

Гурко С.Л., Институт философии РАН

Аннотация: Проблематичность квалификации текстов Бердяева в качестве работ философского или публицистического толка не только отмечалась ещё его современниками, но может быть убедительно доказана анализом дискурсивных особенностей этих текстов. Вместе с тем и бытующее утверждение об «актуальности философии Бердяева» представляется двусмысленностью, опирающейся на его собственные представления о соотношении роли рационального и мифологического в интеллектуальном процессе.

Ключевые слова: Бердяев, философия, публицистика, миф, коммуникативная метафора

Оценка вклада Н.А. Бердяева в русскую философию неоднозначна. С одной стороны это самый цитируемый из русских философов, с другой — никто другой из русских мыслителей не удостоивался такого пренебрежительного отношения к своим текстам как Николай Александрович. Конечно, мы можем сказать, что это все «враги и недоброжелатели», но даже его доброжелатели вынуждены констатировать: «Весь блеск и яркость писаний Бердяева, которые порой прямо чаруют читателя, не только тускнеют при анализе его идей, но как-то грустно контрастируют с тем, что в диалектику русской философии его построения входят как-то стороной... Этот суровый приговор не лишает ценности отдельные мысли, яркие остроты... но это, конечно, слишком мало для философа...»

Когда читаешь тексты Н.А. Бердяева постоянно ловишь себя на мысли, что находишься в странном смешении стилистики. Его философские труды, легко и понятно написанные, кажутся публицистическими, а его публицистические произведения — почти всегда используют философские обоснования. Если же мы посмотрим на весь список его произведений, то легко обнаружим, что Николай Александрович большинство из них написал в жанре публицистических откликов на животрепещущие проблемы современности. Не обязательно политические, скорее общественно-значимые, например «Метафизика пола и любви». Более того, при строгом подходе к работам Бердяева возникает вопрос: какие из его работ являются собственно философскими? Для ответа на него мы обратимся к мнению экспертов. Л.В.Поляков, один из первых профессиональных издателей Бердяева в СССР, в качестве философской работы назвал «Смысл творчества», А.П.Огурцов считал, что такой работой является «Творческая объективация. Опыт эсхатологической метафизики».

Для оценки философии Бердяева также возьмем два критерия. Первый принадлежит самому Бердяеву. В знаменитой статье «Философская истина и интеллигентская правда» он пишет: «С русской интеллигенцией случилось несчастье, любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине.» Если мы с вами согласимся, что предметом нашего философского интереса является «истина», то должны будем приветствовать любые процедуры, устанавливающие однозначность этого понятия и, прежде всего, искать наиболее точные способы выражения своей мысли.

Второй критерий относится к языковым формам, в которых находит свое выражение современное истинностное (научное, не обязательно естественнонаучное) исследование. Основную нагрузку при передаче смысла в предложения несет на себе сказуемое, выраженное чаще всего глаголом. Собственно именно с невозможностью передачи смысла через точный перевод сказуемого связан тезис Куайна «о непереводаемости». Рассмотрим философский текст Бердяева на примере использования им тех или иных глаголов.

Результаты исследования изложены в таблице:

Отрывок 1 из «Опыта эсхатологической метафизики», начиная со слов «С древних времен философы искали...» по слова «онтология никогда не могла вполне отрешиться от натуралистического духа». Отрывок 2 из «Опыта эсхатологической метафизики», начиная со слов «Творческий акт, по природе своей, экстатичен...» по предложению «Творческая фантазия может иметь реальные жизненные последствия.» Отрывок 3 из «Смысла творчества», начиная с предложения «Творчество — необъяснимо» по предложению «К свободе прибегали для обоснования силы зла, а никогда не добра.»

Количество предложений	89	85	80
Количество форм глагола «есть»	19	40	48

Чтобы не занимать лишней журнальной площади, сошлемся сразу на результат. Мы взяли первый абзац 3 главы «Опыта эсхатологической метафизике», посвященный объективации бытия и начинающийся словами: «С древних времен философы искали познания бытия (усия, эссенция)». В нем 633 слова и 89 простых предложений. Из них только в 19 случаях в качестве основного сказуемого используется та или иная форма глагол «есть», что для текста, описывающего онтологические проблемы – хороший результат. И с точки зрения используемого литературного языка, и с точки зрения ясности излагаемого материала текст следует признать одним из лучших профессиональных описаний в данной области. Недаром сам автор считает, что именно в этом тексте лучше всего выражена его философия. Немного смущает лишь одно: в рассматриваемом отрывке Бердяев выступает как историк философии, излагая скорее взгляды своих предшественников, чем собственную философию. Попробуем немного ниже найти изложение собственно оригинальных взглядов Бердяева.

Найти более или менее сопоставимый по объему отрывок изложения собственной философии Бердяева удастся лишь на странице 249 интересующей нас книги. При этом нам приходится удалить из него три небольших изложения взглядов Беме, Рибо и Канта, чтобы получить как можно более сопоставимый по объему результат (640 слов, 85 предложений).

В исследуемом отрывке 86 простых предложений. В 48 из них в качестве сказуемого используется та или иная форма глагола «есть». При этом нами учитываются не только пропущенные формы глагола «есть», но и пропущенные формы других сказуемых. Например: «В творческой свободе <есть> неизъяснимая и таинственная мощь [созидать] из ничего, [] недетерминированно, [] прибавляя энергию к мировому круговороту энергии.» В третьем и четвертом простом предложении мы считаем пропущенной форму глагола «созидать».

Тем самым мы можем предположить, что обнаруженный нами литературный прием не случаен. Более того, складывается впечатление, что пока Бердяев анализирует посторонние философские построения, его речь богата и разнообразна. Как только он переходит к изложению смысла собственной философии, он использует самые простые языковые средства. Мы не можем пока проверить таким образом все тексты Н.А. Бердяева, но в будущем, когда они все будут оцифрованы, создать программу для подобного пересчета не составит особого труда. Однако думается, что уже сейчас любой из исследователей сможет найти в литературном наследии философа образцы подобного текста. Собственно, найти образцы подобного текста довольно легко.

Не жанр роднит эти тексты, а скорее место и время. Перед нами ничто иное как восточная архаика, выраженная в мистической форме. В принципе Бердяев никогда и не скрывал этой черты своих текстов. «Я пытался создать миф о человеке» напишет он впоследствии в «Самопознании». Философ может выбирать в качестве формы своего изложения миф, как это делает в своих диалогах Платон. Но Платон использует миф как элемент рационального текста для разъяснения сложных моментов своего учения (идеальное государство — миф об Атлантиде, эйдетическое познание — миф о пещере, существование идей — миф о бессмертии души). Н.А. Бердяев же сознательно использует эту форму для изложения своих идей. «Философия свободно признает, что мир постижим лишь мифологически».

Для контраста мы должны обратиться к началу западной философии. Знаменитое парменидовское «бытие ведь есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать», получает смысл через последующую философскую экспликацию свойства единственности, однородности, безграничности, вечности, цельности и, в конечном счете, невозможности движения. Платон в диалогах постоянно проводит деления понятий, но не понятий существования, а понятий, обозначающих действия, движения, процессы, состояния потому, что они могут подвергаться конкретизации, проверке и вследствие этого принятию или опровержению. Глагол же «есть» изначально многозначен. Он может обозначать признак, свойство, состояние, отношение и т.п., в конечном счете просто существование, которое, как мы понимаем, также многозначно. Философский текст, в котором нет уточнения смысла применения этого глагола, похож на

математический текст, в котором из принимаемых аксиом забыли сделать логические выводы. Широкое использование данной грамматической формы скорее запутывает смысл предложения, чем разъясняет его. Можно предположить, что Бердяев, вслед за критикуемой им в «Вехах» «интеллигенщиной», понимал «истину» в каком-то ином, не европейском смысле.

Если оставить в стороне концепцию истинности, развиваемую в прагматизме, то для западной интеллектуальной традиции альтернативой устремленности к истине выступает стремление к эффективности. Истина может не совпадать с чаяниями ее доискивающегося, быть практически неудобной, неспособной снискать популярность и встречающей сопротивление. С эффективностью дело обстоит противоположным образом. Отношению истинность-эффективность примерно соответствует соотношение философского и публицистического начал в текстах, в том числе и в текстах Бердяева. Однако, заключение от эффективности к истинности, которое могло бы прочитываться как протокол эмпирического исследования, а потому быть убедительным для сциентистского сознания теряет значимость для сознания мифологического. Не потому ли столь часто воспроизводилась в Советском Союзе формула Ленина «...всесильно, потому, что верно», хотя, если рассматривать СССР как эксперимент по построению социалистического общества, уместнее было бы использовать перифраз с обратным порядком слов. По той же причине территориальная экспансия объясняется не актуальным балансом сил, а ссылкой на полубоготворческие источники с активным использованием ярких образов, вроде «крови», «почвы», «великих предков». По той же причине министр культуры, возможно даже искренне, дезавуирует статус истории как науки, настаивая на том, что историческое сочинение представляет собой публицистику, решающую конкретные задачи (например задачу воспитания патриотизма) более или менее эффективно.

Так что теперь нам остается только проверить одно расхожее положение — об актуальности наследия философа Николая Александровича Бердяева. То, что само имя его активно упоминается в современных текстах — несомненно, однако гораздо интереснее выяснить что именно из его текстов активно используется в наше время, какие понятия, схемы или образы по-настоящему востребованы. Проверка по «Национальному корпусу русского языка» показывает, что словосочетания, характерные для оригинальных теоретических построений Бердяева, такие например, как «творческий акт» в настоящее время практически не употребляются, в то время как коммуникативные метафоры его публицистики, такие как «Судьба России» — в ходу.

Механизм мифологизации, который Барт описал в работе «Мифологии», довольно прост: над первичным знаком надстраивается новое отношение «означающее-означаемое», где в качестве означающего выступает уже первичный знак как целое. При этом впечатление естественности связи, образующей первичный знак, незаметно переносится на надстройку, которую Барт и называет мифом. Скажем, представление об объективности самого процесса создания фотографического изображения, позволяет предъявлять фотографию как свидетельство, скрадывая вопрос об адресанте сообщения, в таком предъявлении содержащемся (Барт подчеркивает, что адресант

мифа стремится быть неназываемым). Таким образом, действительная востребованность публицистической метафоры Бердяева для построения современного мифа о России, необходимого нынешним идеологам, прячется за мифологическим (в бартовском смысле) утверждением об актуальности философии Бердяева, надстраиваемом над множеством реальных фактов упоминаний и цитирования этого автора. Эта процедура может и вызывает сомнения в обоснованности подобного перехода у строгих ревнителей классической рациональности, но несомненно демонстрирует отменную эффективность. В силу этого можно понять почему философия Бердяева неожиданно становится актуальной: и современной российской государственности и современному православию нужно каким-то образом обосновать свои метафизическую необходимость. И, да, помочь им в этом деле может только мифология.

Литература

Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.

Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 384 с.

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. 212 с.

Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2, Ч. 2. Л.: «ЭГО», 1991. 270 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

References

Berdyayev, N.A. *Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act]*. Moscow: Pravda Publ., 1989. 608 p. (In Russian)

Berdyayev, N.A. *Opyt eschatologicheskoy metafiziki: Tvorchestvo i ob"ektivaciya [An essay on eschatological metaphysics]*, in: N.A. Berdyayev, *Tsarstvo Duha i Tsarstvo kesarya [The kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]*. Moscow: Respublika Publ., 1995. 384 p. (In Russian)

Berdyayev, N.A. *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda [The truth of philosophy and the truth of intelligentsia]*, in: *Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii [Vekhi — Landmarks]*. Moscow: Novosti Publ., 1990. 212 p. (In Russian)

Zenkovsky, V.V. *Istoriya russkoj filosofii. Tom 2, Chast' 2 [A history of Russian philosophy. Volume 2, Part 2]*. Leningrad: «EGO» Publ., 1991. 270 p. (In Russian)

Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

To the question of the relevance of the texts of N.A. Berdyaev

Blukher F., Institute of philosophy RAS

Gourko S., Institute of philosophy RAS

Abstract: The difficulty of qualifying Berdyaev's texts as philosophical or journalistic ones was not only noted by his contemporaries, but can be convincingly proved by analyzing the discursive features of these texts. At the same time, the persisting statements concerning "relevance of Berdyaev's philosophy" occurs to be an ambiguity based on his own ideas about the ratio of the rational and mythological in the intellectual process.

Keywords: Berdyaev, philosophy, journalism, myth, communicative metaphor